

К ПРЕБЫВАНИЮ ДОСТОЕВСКОГО НА АЛТАЕ

За годы подпольной службы в Семипалатинске Достоевскому не раз приходилось бывать в городах и селениях Алтайского горного округа: Барнауле, Кузнецке, Змеиногорске, на Локтевском руднике. «Впопыхи» этих поездок была Мария Дмитриевна Исасва (см. об этом ниже).

Во время поездок Достоевский завел немало знакомств среди алтайских горных инженеров и чиновников. Гершгросс, Ковригин, Молетина, Шилке, Коптев, братья Самойловы — эти фамилии встречаются в письмах Достоевского, порой с лестными, хотя очень уж скудными характеристиками. В алтайской глуши горные инженеры и чиновники были рады встрече с опытным писателем, человеком трудной судьбы, выдающегося ума и образованности. То, что он — бывший государственный преступник, никого не смущало. В Сибири этим не удивишь. Отношение к таким людям здесь всегда было участливым, сострадательным. Они охотно помогали Достоевскому в его многотрудных житейских обстоятельствах, за что он был им благодарен. Говорить о какой-то общности интересов, духовной близости, ставить их на одну доску, скажем, с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Чоканом Валихановым, даже с А. Е. Врангелем вряд ли приходится. И хотя жизнь Достоевского богата событиями и встречами, эти люди также заслуживают внимания.

Между тем, как только речь заходила об Алтае, в работах о Достоевском допускались досадные неточности. Начало им положил А. Е. Врангель, издавший в 1912 г. свои воспоминания, написанные им в том возрасте, когда память человека уже нередко подводит.¹ Сведения, сообщенные другом Достоевского о его алтайских знакомых, были приняты на веру позднейшими авторами. В архивах Алтайского края, в документах Алтайского горного округа хранятся «формуляры о службе и достоинстве» (т. е. личные дела) всех, с кем встречался здесь Достоевский.

Однако сначала несколько слов о том, что такое Алтайский горный округ. Начало горно-заводского производства на Алтае связано с именем известного уральского заводчика Акифия Демидова. Посланные им приказчики и рудоискатели (сам он не бывал на Алтае), разведав богатые месторождения медных и серебро-свинцовых руд, построили в 1729 г. близ Колыванского озера медеплавильный завод, который назвали Колывано-Воскресенским, а в 1739—1744 гг. — Барнаульский завод.

В 1747 г., после смерти Демидова, императрица Елизавета Петровна указала «те заводы со всеми отведенными для того зем-

лями <...> и с мастеровыми людьми <...> и с приписными крестьянами <...> взять на Нас». И до 1917 г. Алтайский край в его современных границах с частью прилегающих к нему нынешних Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Омской, Томской, Новосибирской и Кемеровской областей был личной собственностью царей. Размер царской вотчины, или Кабинетских земель, составлял 413 тысячи квадратных километров. Для сравнения напомним, что территория Чехословакии равна 127,6, а Югославии — 256 тысяч квадратных километров. Западная граница Алтайского горного округа проходила всего в 20 верстах восточнее Семипалатинска, где жил Достоевский.

В середине прошлого века в округе действовали Барнаульский, Павловский, Змееский, Локтевский и Гавриловский сереброплавильные заводы, Сузунский медеплавильный с Монетным двором при нем, Томский и Гурьевский железодельные, Колыванская шифовальная фабрика, а также десятки рудников и золотых приисков. Алтай давал ежегодно 36—40 пудов золота (только с казенных промыслов), 1000—1100 пудов серебра, до 50 тысяч пудов свинца, 25—30 тысяч пудов меди. По серебру и свинцу он занимал первое место в России, по меди уступал Кавказу и Уралу. Более миллиона рублей чистой прибыли получал каждый год царь со своей алтайской вотчины.²

На заводах и рудниках трудилось около 24 тысяч человек, преимущественно набранных путем рекрутской повинности. Кроме того, до 150 тысяч приписных крестьян доставляли заводам руду, древесный уголь (который сами и выжигали), флюсы, дрова, провиант и т. д. Труд тех и других был каторжным и почти даровым.

Заводы, рудники, промыслы возглавляли горные инженеры — лица, окончившие Петербургский Горный институт. До 1867 г. им присваивалось звание от прапорщика до генерала. Полностью это звание писалось так: корпуса горных инженеров поручик такой-то. Но в армии горные капитаны и полковники никакого отношения не имели, хотя и носили погоны. Аналогичная картина была и в лесном ведомстве. Так, один из знакомых Достоевского, Коптев, имел чин: корпуса лесничих капитан.

В 1855 г. на Алтае служило всего 56 горных инженеров. Это была привилегированная, высокооплачиваемая, довольно образованная горнозаводская элита, тесно сплоченная и объединенная родственными связями. Алтайские горные инженеры довольно часто посылались за границу для ознакомления с новинками горнозаводского производства. В их круг волею судьбы, а точнее, стараниями Врангеля и попал Достоевский.

Врангель пишет об этом так: «Посетили мы с Ф. М. так называемый Локтевский завод горного ведомства. Расположен он был в 20 верстах в ста от Семипалатинска. Заводом управлял горный полковник Шилке, помощниками его были горные инженеры братья

¹ См.: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг. СПб., 1912.

² См.: Исторический очерк Алтайского округа (1747—1897 гг.). Барнаул, 1897.

Самойловы; их знаменитую сестру Веру — артистку — и брата их я встречал часто в Петербурге <...> Я скоро очень сошелся с этими братьями Самойловыми и стал ездить к ним. Сотня верст расстояния в Сибири ни по чем, их пролетишь в 5—6 часов <...> Я познакомил с ними и Ф. М. Несколько раз, с дозволения пачальства, брал я Ф. М. в Локтевский завод; тут он особенно сошелся с капитаном Ковригиным <...> Особенным хлебосольством отличался лесничий, капитан Коптев <...> Сколько он получал жалованья, не знаю, но жил барином <...> В этот наш проезд мы застали там главного пачальника Алтайского округа горного генерала А. Р. Гернгросса, образованного, любезного и гуманного <...> Я представил ему Достоевского; он отнесся к нему очень приветливо и постоянно приглашал его вместе со мной погостить в Барнаул и Змеиногорск...³ Несколько позже, рассказывая о второй поездке в Змеиногорск, Врангель называет еще одну фамилию: «У полковника Поветики, управляющего заводом, был хор музыкантов...».

Вот, собственно, и весь известный нам перечень алтайских знакомств Достоевского. Но сведения Врангеля нуждаются в уточнении.

Управляющий Локтевским сереброплавильным заводом горный инженер Николай Эрнестович Пишке был не полковником, а подполковником. Родом из дворян Курляндской губернии, он после окончания института некоторое время служил на Урале, и к этому времени уже 16 лет на Алтае, был в трехгодичной командировке в Германии и почти годичной — в Швейцарии, владел французским и немецким языками.⁴ Биография его характерна для тогдашнего горного инженера, поэтому я привожу эти данные.

Из двух братьев Самойловых, служивших на Локтевском заводе, только старший, Сергей Васильевич, помощник управляющего заводом, был горным инженером, капитаном.⁵ Младший же брат, Иван Васильевич, пристав надзорных работ завода, имел гражданский чин губернского секретаря.⁶ Они действительно были отпрысками знаменитой актерской семьи Самойловых, из которых наиболее известны: старший брат Василий Васильевич (кстати, тоже горный инженер по образованию), сорок лет прослуживший на сцене Александринского театра, и сестры Вера и Надежда, замечательные актрисы того же Александринского театра, творчество которых высоко ценил И. С. Тургенев, предназначивший для их исполнения свои пьесы «Где тонко, там и рвется» и «Провинциалка».⁷

³ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском, с. 56, 62—63.

⁴ Гос. архив Алтайского края (далее: ГААК), ф. 2, оп. 4, д. 4232, л. 11—16.

⁵ Там же, л. 20—22.

⁶ Там же, д. 4195, л. 591.

⁷ См. об этом: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. М.: Л., 1961, т. 2, с. 571, 572; 1962, т. 3, с. 429, 431, 433.

В 1855 г. Сергею Васильевичу исполнилось 40 лет, из них 20 лет он прослужил на Алтае. Иван Васильевич был на шесть лет моложе брата, на Алтай прибыл «по прошению» в 1840 г. Интересно, что он единственный из братьев (цитирую формуляр) «обучался в Санкт-Петербургском театральном училище, по курсу наук не кончил по случаю увольнения».⁸

П. П. Семенов-Тянь-Шанский, проживший зиму 1856—1857 гг. в Барнауле, вспоминает: «Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном здании барнаульского театра. Многие из членов барнаульского общества выдавались своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер Самойлов, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своим природным сценическим талантом своего младшего брата...»⁹ На деле по документам Сергей Васильевич был не старше, а на два года моложе своего знаменитого брата.

Кстати, не один, а оба Самойловых были занятыми театрами; младший, Иван, имел театральное образование, пусть и незаконченное. Преданность их театру тем более похвальна, что связана была для них с немалыми лишениями, а, возможно, и с расходами: от Локтевского завода до Барнаула было 304 версты, и отлучаться с работы на долгое время они, конечно, не могли. Правда, в апреле 1857 г. С. В. Самойлов был назначен управляющим Сузунским медноплавильным заводом, за ним переехал туда и младший брат, но от Сузун до Барнаула тоже был путь не близкий — 128 верст.

Интерсно, что Барнаульский любительский театр работал не только зимой. Врангель писал: «Наездная театральная группа из Барнаула летом перебиралась в Змеин (Змеиногорск. — В. Г.), так как сюда на дачи переселялось летом обыкновенно все главное пачальство на три-четыре месяца».¹⁰

Капитан Николай Никифорович Ковригин, с которым, как сообщает Врангель, особенно сошелся Достоевский, никогда не служил на Локтевском заводе и мог оказаться там лишь проездом. Уроженец Забайкалья, он 20 лет провел в Восточной Сибири и лишь в 1852 г. был переведен на Алтай. Служил главным смотрителем рудников Змеиногорского края, помощником управляющего казенными золотыми промыслами, в октябре 1854 г. был назначен горным ревизором частных золотых промыслов вновь образованной Семипалатинской области. В августе 1856 г. Ковригин стал подполковником. Был он на 12 лет старше Достоевского; был примерным отцом трех сыновей.¹¹ Служебная резиденция Ковригина находилась в Семипалатинске, следова-

⁸ ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4195, л. 591.

⁹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. М., 1946, с. 195 (Мемуары; Т. 2).

¹⁰ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском, с. 89.

¹¹ ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4163, л. 70—81.

тельно, Достоевский мог встречаться с ним в любое время, если тот не был в отъезде.

Подполковник Ковригин в январе 1857 г. сильно выручил Достоевского, перед его женитьбой на М. Д. Исаевой. Писатель сообщал Врангелю 25 января 1857 г.: «... по первому моему слову дал мне 600 руб. серебром, помог мне, как брат родной. Я взял с условием вернуть не ранее, как через год. Он просил не беспокоить себя. Это благороднейший человек!» (П., I, 211). Врангель же был о Ковригине несколько иного мнения: «Человек он был приятный и образованный, <...> доходы свои имел, как и все в то время в Сибири, и это считалось чуть ли не нормальным: как будто иначе и быть не могло <...> Об этих, как говорили, „бесгрешных доходах“, знали все — и пачальство, да и сам царь».¹² То же самое отмечает и П. П. Семенов-Тянь-Шанский: «Удручающее впечатление производило на меня только то, что все это интеллигентное, культурное общество (принадлежавшее, за исключением двух-трех золотопромышленников, к алтайской горной администрации) жило выше средств, доставляемых ему <...> казенным жалованьем, и, очевидно, пользовалось сверх того доходами, законом не установленными...».¹³ В те времена это действительно считалось чуть ли не нормальным делом у всей царской администрации.

Отличавшийся хлебосольством капитан Степан Борисович Коптев был на самом деле Локтевским окружным лесничим.¹⁴ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, рассказывая о поездке по Змеиногогорскому краю в июле-августе 1856 г., писал: «Спутником моим в этой поездке был прекрасно знакомый с Алтаем, образованный и культурный офицер корпуса лесничих Коптев...».¹⁵ Здесь речь идет не о локтевском Коптеве, а о его брате Александре Борисовиче. Он рано овдовел и уже в 1857 г. вышел в отставку по семейным обстоятельствам.¹⁶ Степан же Борисович служил на Алтае до глубокой старости, последние годы был управляющим лесной частью Алтайского горного округа.

Андрей Родионович Гернгросс в описываемый период был не генералом, а полковником и не Главным, а горным начальником Алтайских заводов. Главным же начальником и одновременно Томским гражданским губернатором (до 1864 г. эти должности совмещались) был при Достоевском генерал В. А. Бекман, а с 1858 г. — генерал А. Д. Озерский.

Гернгросс был наиболее крупной и влиятельной фигурой среди алтайских знакомых Достоевского. Сын горного генерала,

он окончил Горный кадетский корпус (позднее преобразованный в Горный институт) с большой золотой медалью; с 1834 г., т. е. с двадцатилетнего возраста, служил на Алтае. Был смотрителем рудника, управляющим Сузунским, затем Барнаульским заводом, Змеиногогорским краем, в 1854 г. стал горным начальником Алтайских заводов.¹⁷ Высылал в продолжительные командировки в Германию, Веприю, Швецию, Норвегию. Словом, Гернгросс был крупным горным специалистом. В 1859 г. он получил назначение членом Совета и Ученого комитета корпуса горных инженеров и уехал в Петербург. Достоевский в более поздние годы и там подерживал с ним отношения.

У Гернгросса была большая даже по тем временам семья: восемь детей. Замысел несуществующего романа Достоевского 1850-х гг. был связан с его впечатлениями о жене Гернгросса Екатерине Иосифовне и ее отношениях с Врангелем (см.: 3, 494—495). Отразились они и в повести «Вечный муж» (см.: 9, 472—474).

И, наконец, несколько слов о Полетике. Василий Анолопович Полетика был не полковником, а подполковником и не управляющим заводом, а управляющим рудниками и заводом Змеиногогорского края (чаще говорили: управляющий Змеиногогорским краем). С осени 1856 г. он некоторое время возглавлял Барнаульскую Главную лабораторию.¹⁸ Семенов-Тянь-Шанский в первый свой проезд в Барнаул жил у него в доме. Отмечая гостеприимство хозяина, он тем не менее называет его «Барнаульским Алкивиадом».¹⁹ Прозвище далеко не лестное. Алкивиад — политический деятель в древних Афинах, отличавшийся беспринципностью и крайней неустойчивостью взглядов. Вскоре В. А. Полетика уехал в Петербург, вышел в отставку и стал журналистом.

Вот вкратце то, что можно узнать из сухих записей формуляров о людях, которым посчастливилось встречаться с Достоевским. Большого места в его жизни они, повторяю, не занимали, но не могут быть не интересны для тех, кто любит и изучает Достоевского.

Могло случиться, что Достоевский и сам оказался бы чиновником Алтайского горного управления, жителем Барнаула.

Две мечты, переплетаясь в одно целое, владели Достоевским в первую половину семипалатинского периода: вернуться в литературу и соединить жизнь с Марией Дмитриевной Исаевой.

Друзья Достоевского начинают в Петербурге хлопоты о его производстве в офицеры.²⁰ Одновременно с этим он не теряет

¹² Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском, с. 56.

¹³ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 127.

¹⁴ ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4318, л. 425.

¹⁵ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 59.

¹⁶ ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4205, л. 183.

¹⁷ Там же, л. 205—211.

¹⁸ Там же, д. 4174, л. 168—180.

¹⁹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 125.

²⁰ См.: Гроссман Л. 1) Достоевский. 2-е изд. М., 1965, с. 182—210; 2) Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935, с. 79—85; Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском, с. 191—195; Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978, т. 3, с. 262—265; см. также: П., I, 168—173, 177—181, 187.

надежды на переход в статскую службу, предполагает поселиться с М. Д. Исаевой после испитибы в Барнауле (см.: II, I, 169—172, 175, 182, 184; II, 561).

Не выдав еще Барнаула, Достоевский предпочитает его Семипалатинску. Это не удивит, если вспомнить, что сами же семипалатинцы называли свой городишко «Семипроклитинском», а о Барнауле шла слава, как об одном из самых культурных городов Сибири! П. П. Семенов-Тянь-Шанский недаром называл его «сибирскими Афинами». ²¹ Здесь были библиотека, музей, процветающий любительский театр, окружное училище, наконец, общество образованных и гостеприимных горных инженеров.

В июне 1856 г. унтер-офицера Достоевского направляют по служебному делу в Барнаул. Отсюда он самовольно выезжает в Кузнецк для встречи с проживавшей там М. Д. Исаевой (см.: II, I, 189). О первом посещении Достоевским Барнаула никаких подробностей не сохранилось.

30 октября 1856 г. приходит долгожданный указ о производстве Достоевского в прапорщики. Правда милость царя оказалась кудей: главная мечта Достоевского — возможность печататься — пока не сбылась. Зато вполне реальной стала возможность житьибы на М. Д. Исаевой.

В ноябре 1856 г. Достоевский вновь отправляется в Кузнецк. До Барнаула едет со своим новым другом П. П. Семеновым (тогда еще не Тянь-Шанским) и адъютантом семипалатинского военного губернатора В. П. Демчиным (см.: II, I, 200 и 203). «В Барнаул мы приехали 24 ноября (в день имени Х.), ²² — собишал Достоевский Врангелю, — и Гернгросс, не выдав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал. Он мне очень понравился <...> О барнаульских я не пишу вам. Я с ними со мноими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!» (II, I, 203—204). Таков первый отзыв Достоевского о Барнауле, вернее об обществе горных инженеров. На сей раз он пробыл в Барнауле сутки, да на обратном пути из Кузнецка — еще сутки. Каким же увидел Достоевский наш город?

Барнаул, хотя и являлся административным центром огромного Алтайского горного округа, по величине был больше похож на деревню. В нем проживало около 11 тысяч человек, из них каждый пятый был чиновником, каждый восьмой — военным и каждый четвертый — мастеровым серебряноплавильного завода. Завод был центром хозяйственной жизни города. На нем выплавлялось ежегодно 260—280 пудов серебра — четвертая часть производимого на Алтае.

Достопримечательностью города был заводской пруд, протянувшийся чуть не на две версты вверх по Барнаулке, в сторону

соснового бора. Вода в то время была единственным источником энергии, приводившей в движение несложные заводские механизмы. Вблизи плотины высились темные от вековой копоти корпуса завода, а от пруда на север и восток, к Оби, как бы растекались прямые, широкие, местами заболоченные улицы с ровными по-военному линиями домов.

Город был в основном деревянным, одноэтажным, но имелось в нем немало и кирпичных зданий. Среди них особой красотой в единстве стиля отличались окаямлявшие Демидовскую площадь безколонные, выкрашенные охрой здания горного госпиталя, окружного училища и дома престарелых, Дмитриевская церковь. Посредине площади, обнесеной со стороны завода и пруда красивой чугунной решеткой, возвышался, прекрасно довершая ансамбль, серый гранитный обелиск с чугунным ликом основателя горно-заводского производства на Алтае — Акифия Демидова. И здания, и обелиск были построены способным учеником Карла Росси, архитектором Алтайских заводов Яковом Поповым. Посланный начальником заводов в Петербург для обучения архитектуре, Попов два года провел в Академии художеств и шесть лет — архитекторским помощником великого зодчего, участвовал в создании Михайловского дворца, здания Главного штаба, Александринского театра.

В Барнауле бытует предание, что Достоевский, любуясь ансамблем Демидовской площади, первым назвал его «уголком Петербурга». Нетрудно представить, какие чувства породил этот «уголок» у истосковавшегося в изгнании писателя!..

Но были у города и темные стороны. Каждому приезжему бросалось в глаза, что преобладающий цвет в Барнауле — черный. Днем и ночью, выползая из труб серебряноплавильных печей, плыли над городом черные клубы ядовитого дыма, оседающая густой копотью на домах, деревьях, траве. Дым этот с примесью сурьмы и колчедана был очень вреден для людей и животных, а куры от него просто дохли. Черными были улицы, вымощенные шлаком от серебряноплавильных печей. Его называли плавильным соком или просто соковиной. По виду и твердости он напоминал черное битое стекло. Черными были ведущие в город дороги, по которым приписные крестьяне, погоняя усталых лошадей, везли на завод в больших плетеных коробах руду и древесный уголь. В черныи цвет были выкрашены особняки горных инженеров и чиновников. По воспоминаниям Семенова-Тянь-Шанского, спаруки они не отличались особой красотой, «зато внутри их всё было убрало с комфортом и всё казалось изысканно-приятным». ²³ Острижки говорили, что черныи цвет — это цвет горно-заводских дел. Нецелесообразно эксплуатируя мастеровых и приписных крестьян, администрация Алтайского горного округа обеспечивала царю громадные прибыли, но немало наживалась и сама.

²¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 56, 126.

²² Речь идет о Екатерине Иосифовне, жене полковника А. Р. Гернгросса.

²³ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 56.

Вторая поездка Достоевского в Кузнецк завершилась полным успехом. Офицерский мушкетер, возникшая уверенность в завтрашнем дне, а еще более — любовь и преданность, не раз доказанные им на протяжении двух с лишним лет, сделали свое дело — М. Д. Исаева дала согласие на брак.

27 января 1857 г., заняв 600 рублей у Ковригина (и еще кое у кого), Достоевский выехал из Семипалатинска в Кузнецк — на свадьбу. По дороге остановился ненадолго в Барнауле у Семенова, чтобы сделать необходимые покупки. «По нескольку часов в день, — вспоминает Семенов-Тяп-Шапский, — мы проводили время в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще не оконченных „Записок из Мертвого дома“, дополняемых устными рассказами. Поистине, какое сильное, потрясающее впечатление производило на меня это чтение...»²⁴

В мемуарах Семенова-Тяп-Шапского есть одна неточность. Он пишет, что Достоевский по дороге в Кузнецк прожил у него недели две в приготовлениях к свадьбе и на обратном пути — еще две недели, итого — месяц. Между тем из писем Достоевского известно, что он выехал из Семипалатинска не раньше 27 января, а вернулся 20 февраля, т. е. через три недели с небольшим (см.: П., I, 211 и 213). За это время проехал (на лошадах!) по зимним дорогам 1500 верст и около недели, видимо, провел в Кузнецке. Стало быть, на долю Барнаула остается не более 7—8 дней.

Из этого времени четыре дня на обратном пути провел в Барнауле не по своей воле. «В Барнауле со мной случился припадок, — писал он Врангелю, — и я лишних четыре дня прожил в этом месте (просрочил отпуск. — В. Г.). Припадок мой сокрушил меня телесно и духовно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия и предсказал, что если я не приму надлежащих мер <...> то в один из них захожусь от горловой спазмы...» (П., I, 215). Так печально закончилось третье и последнее посещение Достоевским Барнаула.

И все же Алтай, думается, оставил добрую память в сердце писателя. В его письме Врангелю, написанном в сентябре 1859 г., уже из Твери, есть такие строчки: «Привезайте же. Поговорим <...> об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее <...> о милейших Змеиногорске и Барнауле, где я после Вас бывал довольно часто... ну да обо всем!» (П., I, 253).

Судьбе не угодно было сделать Достоевского хотя бы на некоторое время барнаульцем. К лучшему это или к худшему — кто знает... хотя для нас, поистине, это навсегда стало бы предметом особой гордости. Мы бережно храним в памяти все, что связано с кратковременным пребыванием великого писателя в нашем городе.

Имя Достоевского ныне носит одна из улиц Барнаула.

²⁴ Там же, с. 127.

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «НЕКРАСОВ И ДОСТОЕВСКИЙ»

(40—60-е годы)

Тема «Некрасов о Достоевском» не раз освещалась в работах исследователей творчества и Достоевского и Некрасова — К. И. Чуковского, Л. П. Гроссмана, В. Е. Евсеева-Максимова, А. Н. Лурье, М. М. Гива, В. А. Тупицманова, Ф. И. Евинца и др.

Задача нашего сообщения — не останавливаясь на известном, поделиться некоторыми частными наблюдениями, имеющими прямое отношение к теме.

В пятом номере «Отечественных записок» за 1846 г. была напечатана (как почти всегда без подписи) рецензия на третий выпуск альманаха «Новоселье». В течение многих лет она приписывалась Тургеневу и печаталась в собраниях его сочинений. Сравнительно недавно В. Э. Боградом был найден и опубликован документ, не оставляющий сомнений в том, что рецензия эта принадлежит молодому Некрасову,¹ что позволило ввести ее в собрания сочинений писателя.²

Однако, как мне уже приходилось отмечать, комментаторы собраний сочинений Тургенева и Некрасова не обращали внимания на суждения в этой рецензии, имеющие несомненно в виду Достоевского и его «Бедных людей», хотя ни сам писатель, ни его роман здесь прямо не названы.³ Отзыв этот учтен, конечно, в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского, но как анонимный, а не некрасовский (I, 471).

Начав отзыв о вошедшей в этот альманах повести Н. В. Кукольника «Старый хлам» самой общей оценкой — «Необходимо, хотя и выйдет плохой каламбур, сказать, что повесть вполне соответствует своему названию», — Некрасов подробно останавливается на ее содержании. Пересказывая повесть Кукольника так, что пересказ превращается по сути дела в пародию на нее, он замечает, в частности: «Ни тени мелодрамы! Естественно, оригинально, поразительно ново!.. И после этого, есть люди, которые осмеливаются тоже писать романы и даже несколько не стараются в них подражать г. Кукольнику, а идут своей дорогой, полагая по-своему естественность, оригинальность, художественность... Чудаки! Недаром „Иллюстрация“ удивляется их дерзости... Еще бы не удивляться! <...> Бедные, они потчуют публику все одним супом — вначале суп, в середине суп, под конец суп... у них нет и настолько смысла, чтоб понять, что однокупанье приестся; — только г. Кукольник поил тайфу романа и

¹ См.: Некрасовский сборник. М.; Л., 1956, т. 2, с. 412—413.

² См.: Некрасов Н. А. Собр. соч. М., 1967, т. 7, с. 119—136.

³ См. мою заметку «„Бедные люди“ или „Северная пчела“?» (Неделя, 1971, 6—12 дек., № 50, с. 9).